

О пушкинской рецензии на
«Путешествие ко Святым местам в 1830 году»
А. Н. Муравьева

В предисловии к «Путешествию в Арзрум во время похода 1829 года» Пушкин писал: «Из поэтов, бывших в турецком походе, знал я только об А. С. Хомякове и об А. Н. Муравьеве. Оба находились в армии графа Дибича. Первый написал в то время несколько прекрасных лирических стихотворений, второй обдумывал свое путешествие к святым местам, произведшее столь сильное впечатление» (Акад. Т. 8. С. 443).

Действительно, появление «Путешествия ко Святым местам» Андрея Николаевича Муравьева (1806—1874) стало заметным событием в истории русской литературы начала 1830-х гг.: Муравьев был первым профессиональным литератором, создавшим собственно художественное произведение, посвященное Святым местам¹. О популярности книги свидетельствует хотя бы тот факт, что за сравнительно непродолжительный период она выдержала пять изданий: первое — в 1832 г., последнее — в 1848 г. В личной библиотеке Пушкина имелось два: первое и третье (СПб., 1835 г.), дополненное обширным обзором русских «хожений» в Святую землю (оба издания — без каких-либо владельческих помет)². «Путешествие» получило довольно широкий отклик. Нам удалось выявить пять рецензий на него (в основном они атрибутируются предположительно): А. Н. Оленина (?)³, Н. А. Полевого⁴, Н. И. Надеждина (?)⁵, П. И. Шалико-

---

¹ Его ближайшим предшественником был Д. В. Дашков, автор очерка «Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году» (Северные цветы на 1826 год. СПб., 1826. «Проза». С. 214—283). Однако ни задачи, ни объем этого очерка несопоставимы с «Путешествием» Муравьева.

² Библиотека П. № 242.

³ СПч. 1832. № 174, 30 июля. Подпись: А. Н—о. Криптоним раскрыт по словарю И. Ф. Масанова (*Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов. М., 1956. Т. 1. С. 51).

⁴ МТ. 1832. Ч. 45, № 12. С. 525—541; то же: *Полевой Н. А.* Очерки русской литературы. СПб. 1839. Ч. 2. С. 63—97.

⁵ Телескоп. 1832. Ч. 11, № 18. С. 244—254. Без подписи.

ва (?)⁶ и неизвестного автора⁷. Рецензия Пушкина (а точнее, ее набросок), оставшаяся в рукописи при жизни поэта, впервые была опубликована В. Е. Якушкиным в работе «Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве» в 1884 г.⁸

1

История создания этой рецензии, а также ее датировка нуждаются в уточнении⁹. Точная дата написания рецензии неизвестна; она устанавливается предположительно. До сих пор единственным источником обоснования нижней границы датировки считалось цензурное разрешение на «Путешествие» Муравьева (от 2 февраля 1832 г.). Именно эта дата фигурирует и в академическом издании Пушкина, и в «Летописи жизни и творчества», подготовленной Н. А. Тарховой. При этом в академическом издании допущена досадная опечатка: «Датируется не ранее февраля 1831» (Акад. Т. 11. С. 561).

Между тем нами обнаружен надежный эпистолярный источник, который существенно корректирует принятую датировку.

Начиная с отроческих лет Муравьев регулярно переписывался со своим старшим братом, Н. Н. Муравьевым-Карским, известным военачальником, прославившимся взятием турецкой крепости Карс (1855 г.). В 1831—1832 гг., в период работы над «Путешествием», их переписка была особенно интенсивной, и не случайно. Помимо родственного участия, Муравьев ожидал от брата, знатока Востока, автора вышедшего в 1822 г. «Путешествия в Туркмению и в Хиву...», профессиональных советов. Письма позволяют документально проследить за ходом работы над книгой, обстоятельствами издания и — что особенно важно для нашей темы — уточнить дату выхода ее в свет. Из письма от 4 февраля 1832 г. следует, что книга не только не издана, но еще и не прошла цензуру. Отвечая на вопросы брата, Муравьев писал: «Ты спрашиваешь об моем *Путешествии*. Вчера я отдал первую Главу или Книгу (о Константинополе) в печать, Египет еще в руках у Жуковского, который делает мне свои замечания касательно слога, а потом я уже отдаю тетради сии в цензуру Сенковскому, который путешествовал сам

---

⁶ ДЖ. 1833. Ч. 41, № 2. С. 29—31; № 3. С. 44—47.

⁷ ОЗ. 1840. Т. 11, № 7. Отд. VI. С. 11—14.

⁸ РС. 1884. № 8. С. 326—327.

⁹ Впервые вопрос датировки был критически рассмотрен нами в кн.: *Холова Н. А. Андрей Николаевич Муравьев-литератор*. СПб., 2001. С. 183—185.

очень долго на Востоке [и] замечает мне, со своей стороны, при цензуровании <...> касательно имен или обычаев Востока. Между тем я посылаю теперь к митрополиту Филарету все, что относится до догматов веры, чтобы не погрешить в чем-либо против православия. — Ты видишь, чрез сколько рук опытных проходит мое *Путешествие* для усовершенствования. А живописец Воробьев готовит покамест свои прекрасные картины, которые выйдут вместе с моей книгой после Пасхи, в половину мая»¹⁰.

Письмо раскрывает весьма необычную историю подготовки рукописи к печати. Работа шла очень интенсивно, поскольку ожидания публики были велики. В. А. Жуковский, знавший Муравьева по кружку И. И. Козлова и покровительствовавший начинающему писателю, выступил в роли, так сказать, литературного редактора. О. И. Сенковский был не только цензором книги, но и советчиком автора во всех вопросах, касающихся Востока. Митрополит Московский Филарет, ставший духовным наставником Муравьева именно со времени работы над «Путешествием», осуществил своего рода духовную цензуру. Рукопись, о которой идет речь в письме, дошла до нас и ныне хранится в Киеве в Национальной библиотеке Украины им. В. И. Вернадского (ф. 301 (Церковно-археологический музей КДА), № 407 Л). Это цензурный экземпляр, который содержит два пласта редакторской правки — рукой О. И. Сенковского и митрополита Московского Филарета. Пометы В. А. Жуковского обнаружить не удалось. На первом листе рукописи имеется запись о том, что она была передана в цензуру 29 января 1832 г. и зарегистрирована за № 68. Здесь же цензурное разрешение: «Печатать позволяется с тем, чтобы по отпечатании предъявлены были в Цензурный комитет три экземпляра. Февраля 2, 1832. Цензор Сенковский».

Если соотнести эту дату — 2 февраля с цитированным выше письмом от 4 февраля, то станет ясно, что данное цензурное разрешение по существу относится лишь к первой главе, «отданной в печать», а потому не отражает реальную дату выхода книги в свет (книги солидного объема, в двух частях). А значит, не может рассматриваться как корректный источник датировки пушкинской рецензии.

Предположение Муравьева о завершении работы в мае не оправдалось: 26 мая он лишь сообщал брату о том, что «почти кончил печатание»¹¹. Наконец, с письмом от 16 июня он послал ему только что вышедшую книгу «на поклон»¹².

¹⁰ ОПИ ГИМ, ф. 254, № 358, л. 68—68 об.

¹¹ Там же, л. 273.

¹² Там же, л. 308.

Итак, «Путешествие» появилось не в феврале, а в июне 1832 г. В «Северной пчеле» в разделе «Новые книги» объявление о его выходе и рецензия (предположительно А. Н. Оленина) появились 30 июля¹³. Следовательно, познакомиться с новинкой и написать рецензию в первой половине 1832 г. Пушкин не мог. Отсюда вывод: нижняя граница принятой до сих пор датировки, соотносимая с февралем, должна быть решительно отвергнута.

Верхняя граница установлена Я. Л. Левкович в статье «Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 842 (История заполнения)» по положению рукописи рецензии в этой тетради. Ориентир для датировки дает лист, вырванный из нее¹⁴. На нем — черновик письма М. П. Погодину, которое по содержанию датируется первой половиной сентября 1832 г. (речь в нем идет о программе задуманной Пушкиным газеты «Дневник»). Перебелив письмо, поэт тем не менее не отослал его, поскольку сам 17 сентября отправился в Москву и мог лично поговорить с Погодиным. Вырванный лист находился между листами 23 и 24 (в современной нумерации), а набросок рецензии на «Путешествие» — в самом близком соседстве, на листах 25, 25 об. и 26. И черновик письма, и рецензия написаны карандашом. Непосредственная близость в расположении, характер почерка, особенности карандаша позволили исследовательнице в итоге обозначить следующие границы датировки рецензии: «не ранее февраля — вторая треть сентября 1832 г.»¹⁵. Первая ее часть, как мы установили, неверна; отстает вторая, которая, на наш взгляд, и является наиболее вероятной датой создания рецензии. Наблюдения над текстом позволяют предположить, что рецензия была написана одновременно — то, что называется, «за один присест», — непосредственно после письма Погодину или спустя очень непродолжительное время, то есть в 10-х числах сентября 1832 г., до отъезда в Москву.

Соотнесение рецензии с неотправленным письмом несет в себе большой смысловой потенциал, так как позволяет обнаружить связи между несколькими пушкинскими замыслами.

Как известно, в июле 1832 г. поэт задумал газету «Дневник». Разрешение на издание было получено, очевидно, в августе¹⁶, и в сентябре, перед отъездом в Москву, он передал на рассмотрение Бенкендорфу

¹³ СПч. 1832. № 174.

¹⁴ «Лист этот вырван самим Пушкиным, так как жандармская нумерация идет подряд, не считая вырванного листа. Во время „посмертного обыска“ лист был шит в одну из жандармских тетрадей (ЛБ, № 2386 А, л. 15; теперь он имеет шифр ПД, № 1002)» (ПИМ. Л., 1991. Т. 14. С. 156).

¹⁵ Там же. С. 162.

¹⁶ См.: Летопись 1999. Т. 3. С. 496.

пробный номер газеты. В неотправленном письме речь шла о том, что прежде всего побуждает его к изданию: «Одно меня задирает: хочется мне уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы. Сказать единожды вслух, что Lamartine скучнее Юнга, а не имеет его глубины, что Béranger не поэт, что V. Hugo не имеет жизни, т. е. истины; что романы A. Vigny хуже романов Загоскина; что их журналы невежды, что их критики почти не лучше наших Теле-скопских и графских» (Акад. Т. 15. С. 29).

Издание газеты не состоялось. Но аналогичный замысел, предполагающий сравнительный анализ произведений французской и русской литератур, нашел отражение еще в одном наброске Пушкина 1832 г. — в плане статьи под названием «О новейших романах». План представляет собой простой перечень имен французских и русских авторов. Среди последних: Муравьев, Полевой, Свиньин, Карамзин. Б. В. Томашевский, комментируя этот набросок, предположил относительно имени Муравьева: «Вероятно, Пушкин имел в виду вышедшую в 1832 г. книгу А. Н. Муравьева “Путешествие ко Святым местам”»¹⁷. Н. А. Тархова в «Летописи» под датой «сентябрь, до середины» также рассматривает неотправленное письмо Погодину и замысел статьи «О новейших романах» как звенья одной цепи. Не следует ли отнести сюда и рецензию?

Напомним, что значительная ее часть посвящена сравнительному анализу «Путешествия» Муравьева с широко известным в России «Путешествием из Парижа в Иерусалим... и обратно из Иерусалима в Париж...» Ф.-Р. де Шатобриана¹⁸: «...молодой наш соотечественник привлечен туда (в Иерусалим. — Н. Х.) не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притупленного. Он посетил св. места, как верующий, как смиренный [христианин], как простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя. — Он traverse Грецию, gréocsuré одною великою мыслию, он не старается, как Ш<атобриан>, воспользоваться противоположной [мифологией] Библии и Одиссеи. Он не останавливается, он спешит, он беседует с стран<ным> преобразователем Египта, проникает в глубину пирамид, пускается в пустыню, оживленную черными шатрами бедуинов и верблюдами караванов, вступает в обетованную землю, наконец с высоты вдруг видит Ерусалим» (Акад. Т. 11. С. 217).

¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М. ; Л., 1951. Т. 7. С. 720.

¹⁸ Chateaubriand F. Itinéraire de Paris à Jérusalem... et de Jérusalem à Paris... Paris, 1811. Vol. 1—3. Рус. переводы И. Грацианского (СПб., 1815—1817. Т. 1—3) и П. И. Шаликова (М., 1815—1816. Т. 1—3).

Подведем итог. Вряд ли возможно установить непосредственную связь между замыслом газеты «Дневник», планом ненаписанной статьи «О новейших романах» и наброском рецензии на «Путешествие». Предположения о том, что последняя предназначалась для газеты или была заготовкой для упомянутой статьи, в равной степени гипотетичны. Тем не менее они имеют конструктивное начало: рецензия, на наш взгляд, должна рассматриваться не изолированно, но в контексте этих творческих замыслов. Таков наиболее продуктивный подход к дальнейшему изучению этого текста, представляющего собой также не вполне реализованный замысел.

2

Установление даты выхода «Путешествия» в свет и даты написания рецензии дает возможность прокомментировать известный фрагмент из мемуаров Муравьева, в котором речь идет о его встрече с Пушкиным в архиве Министерства иностранных дел и о стихотворении, которое поэт якобы посвятил ему как путешественнику по Святым местам.

Муравьеву принадлежат два мемуарных сочинения: «Мои воспоминания» и «Знакомство с русскими поэтами». Они существенно отличаются по своим задачам, манере изложения, объему. «Мои воспоминания» — это обширное мемуарное произведение, состоящее из пяти частей (до сих пор полностью не опубликовано). В совокупности все части, написанные в разные периоды жизни, с интервалом в 20—25 лет, составляют хронологически последовательный рассказ, посвященный всем аспектам жизненного и творческого пути писателя. При этом между первой и последующими частями имеются существенные отличия. Первая часть, датированная 1827 г., больше похожа на дневник, причем дневник юношеский, «поэтический». Здесь автор предстает в образе поэта-романтика, который вопреки мнению «толпы» следует своему призванию. Во второй части, к которой и относится интересующий нас фрагмент, амплуа его резко меняется. Она датирована 1857 г. Взгляд мемуариста, начинающего повествование с описания событий 30-летней давности, ретроспективен и в этом смысле тенденциозен. Муравьев выступает здесь как маститый духовный писатель, выпустивший уже основные, составившие его писательскую известность, сочинения, начало которой положило «Путешествие ко Святым местам в 1830 году». Что особенно важно, его отношение к светской литературе становится совершенно иным: не считая себя более участником литературного процесса, он оценивает ее с позиций ортодоксального благочестия. Свою

задачу как мемуариста он видит прежде всего в том, чтобы объяснить, почему в его жизни произошел переход от «мирского к духовному».

В другом упомянутом мемуаре — «Знакомстве с русскими поэтами» образ автора почти тот же, но сама цель повествования иная. Здесь, напротив, Муравьев стремится представить литературную ипостась своей творческой биографии — «записать разнообразные случаи <...> знакомства с большей частью <...> первенцев и вождей русского слова»¹⁹. Разумеется, таким образом он обозначает, порой весьма тенденциозно, превыше реального участия, и собственное место в литературном процессе 1820—1830-х гг. Эти мемуары написаны за три года до смерти, в 1871 г., и вышли отдельным изданием в Киеве. С фактической стороны, и это следует особо подчеркнуть, они гораздо менее достоверны, чем «Мои воспоминания».

В обоих мемуарных сочинениях содержится рассказ о встрече с Пушкиным в архиве Министерства иностранных дел. В «Моих воспоминаниях» он звучит так: «Зимой нечаянно встретил я его в архиве Министерства и не узнал, но он первый ко мне устремился и сказал: “До сих пор не могу простить себе глупой моей эпиграммы. Я был весьма тронут, когда улышал по окончании войны, что вы поехали в Иерусалим, и тогда же написал для вас стихи в таком смысле, что, когда цари земные, заключая мир, позабыли святой град, один лишь безвестный юноша вспомнил о нем и пошел поклониться Гробу Христову”. Я был тронут до слез и благодарил знаменитого поэта за его утешительное слово, которое так прямо вытекло из его благородной души. Пушкин обещал мне отыскать стихи свои, но сколько ни рылся в бумагах, не мог найти их; написать же новые, как бы с подогретыми чувствами, было бы странно: так они и пропали»²⁰.

Муравьев прямо не датирует эту встречу, но из контекста явствует, что речь идет о зиме 1831 / 1832 г.: предшествует данному сюжету рассказ об «ужасном» лете 1831 г. (имеется в виду эпидемия холеры), а непосредственно следует за ним описание летнего сезона 1832 г.

Эта же датировка кажется наиболее достоверной, если исходить из фактов биографий обоих участников встречи. Зимой 1831 / 1832 г. Пушкин особенно активно работал в архиве, собирая материалы для «Истории Петра»²¹. Муравьев в это время — чиновник министерства (20 мая 1831 г. определен столоначальником в Азиатский департамент).

¹⁹ *Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871. С. 4.

²⁰ *Муравьев А. Н.* Мои воспоминания // Русское обозрение. 1895. № 12. С. 599—600.

²¹ «Декабрь, 4. Петербург. Постановление об определении Пушкина на службу в Коллегию Министерства иностранных дел с дозволением искать в ее архивах материалы для истории Петра Великого» (Летопись 1999. Т. 3. С. 418).

В апреле 1833 г. он получит новое назначение — «за обер-прокурорский стол Св. Синода», и хотя останется «причисленным к ведомству МИД», служба там будет номинальной²².

Если предположить, что встреча состоялась год спустя, зимой 1832 / 1833 г., то предметом разговора непременно должно было стать уже вышедшее и высоко оцененное Пушкиным «Путешествие» (к тому времени, как мы установили, уже была написана рецензия). В таком случае Муравьев, отнюдь не склонный умалять своих заслуг и к тому же обладавший, по воспоминаниям современников, феноменальной памятью, не преминул бы упомянуть об этом. Но, как следует из приведенной цитаты, беседа была сосредоточена вокруг старой истории — Пушкин якобы извинялся за эпиграмму на Муравьева, написанную и опубликованную в 1827 г. («Из Антологии» («Лук звенит, стрела трепещет...»)). В аналогичной редакции (без упоминания «Путешествия») рассказ о встрече с Пушкиным Муравьев воспроизвел и в письме Погодину от 9 октября 1870 г.²³

В «Знакомстве с русскими поэтами» этот эпизод изложен несколько иначе: «Четыре года я не встречался с ним (Пушкиным. — *Н. Х.*) по причине Турецкой кампании и моего путешествия на Востоке и совершенно нечаянно свиделся в архиве Министерства иностранных дел, где собирал он документы для предпринятой им истории Петра Великого. По моей близорукости я даже сперва не узнал его; но, благородный душою, Пушкин устремился прямо ко мне, обнял крепко и сказал: “Простили ль вы меня? А я не могу доселе простить себе свою глупую эпиграмму, особенно, когда я узнал, что вы поехали в Иерусалим. Я даже написал для вас несколько стихов: что, когда при заключении мира все сильные земли забыли о святом граде и гробе Христовом, один только безвестный юноша о них вспомнил и туда устремился. С чрезвычайным удовольствием читал я ваше путешествие”. Я был тронут до слез и просил Пушкина доставить мне эти стихи, но он никак не мог их найти в хаосе своих бумаг, и даже после его смерти их не отыскиали, хотя я просил о том моего приятеля Анненкова, сделавшего полное издание всех его сочинений»²⁴.

Итак, перед нами два — очень близких с фактической стороны — варианта рассказа об этой встрече. Последний более пространный и подробный; в него включено упоминание о «Путешествии» как произведении, уже якобы прочитанном и оцененном Пушкиным. Заметим: это именно

²² Из формулярного списка Муравьева (РГИА, ф. 789, оп. 7, № 104, л. 5).

²³ Впервые опубл.: *Хохлова Н. А.* Андрей Николаевич Муравьев — литератор. С. 68.

²⁴ *Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. С. 18—19.

упоминание, и звучит оно как вставка. Акцент по-прежнему — на стихотворном посвящении, причем изложение его сюжета — не что иное, как перефразировка соответствующего места из «Моих воспоминаний».

Тем не менее В. Э. Вацуро откомментировал редакцию, изложенную в «Знакомстве», следующим образом: «По-видимому, здесь ошибка, и речь идет не о стихах, а о наброске рецензии на книгу “Путешествие ко Святым местам в 1830 году” <...> где очень близко перефразированы приведенные слова»²⁵, то есть дезавуировал рассказ о стихотворном посвящении. Комментатор имел в виду следующее место из пушкинской рецензии: «Во время переговоров, среди торжествующего нашего стана, в виду смятенного Константинополя, один молодой поэт думал о ключах св. храма, о Иерусалиме, ныне забытом христианскою Европою для суетных развалин Парфенона и Ликейя. Ему представилась возможность исполнить давнее желание сердца, любимую мечту отрочества» (Акад. Т. 11. С. 217)²⁶.

Действительно, сюжет якобы написанного Пушкиным стихотворения (как мы его знаем в изложении Муравьева) и данный фрагмент рецензии близки — не случайно В. Э. Вацуро говорит о перефразировке: в этом состоит суть его аргументации. Однако на наш взгляд, мы имеем дело с банальной компиляцией или, по выражению того же исследователя, «стилизацией» фактов, которую он сам отмечал в мемуарах Муравьева²⁷. Дело в том, что композиционно «Знакомство» представляет собой серию очерков. По замыслу автора, каждый из них должен был вобрать в себя всю сумму фактов, относящуюся к истории его взаимоотношений с тем или иным деятелем литературы. Следуя этой логике, мемуарист «подверстал» к рассказу о посвященном ему стихотворении отзыв поэта о «Путешествии», так как все это составляло единый «пушкинский» сюжет. С аналогичным явлением мы столкнулись, комментируя «лермонтовский» сюжет, центральное место в котором занимает история создания стихотворения «Ветка Палестины»²⁸.

---

²⁵ П. в восп. Т. 2. С. 390.

²⁶ По-видимому, Пушкин опирался на следующий фрагмент из рецензируемой книги (глава «Мир»): «Тогда, расположенный грустию и навыком долгих лишений к предприятю тяжкому, решился я следовать наконец давнишнему влечению сердца и, преодолев любовь к родине, которая меня к себе манила, пуститься в новый, дальний путь, от ранних лет начертанный в моих мыслях, к священной цели, которой уже не мог миновать на жизненном поприще» (Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году. СПб., 1832. Ч. 1. С. 14—15).

²⁷ Вацуро В. Э. Пушкин в московских литературных кружках середины 1820-х годов: (Эпиграмма на А. Н. Муравьева) // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 140.

²⁸ Хохлова Н. А. Андрей Николаевич Муравьев — литератор. С. 201.

Таким образом, мы склонны отвергнуть версию, согласно которой встреча в министерстве произошла после выхода «Путешествия», то есть в зиму 1832 / 1833 г. В таком случае возникает закономерный, ключевой для комментатора вопрос: если она произошла на год раньше, а следовательно, речь действительно идет о стихотворении, то что могло послужить Пушкину материалом для его создания? Иными словами, следует ли рассматривать «Путешествие» как единственный источник сведений поэта о паломничестве Муравьева?

Оказывается, такой материал был. Путешествие Муравьева по Святым местам имело широкий резонанс в обществе, причем в разных его слоях — светском, военном, а также в правительственных кругах. Это было одно из первых путешествий, предпринятых представителем высшего сословия русского общества. Правительство оказало Муравьеву финансовую поддержку, имея в виду, что его паломничество не лишено дипломатической и миссионерской окраски (Муравьев отправился в путь сразу после окончания русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и подписания Адрианопольского трактата по прямому разрешению главнокомандующего русскими войсками гр. И. И. Дибича)²⁹. За ходом путешествия внимательно следили его родственники и друзья. По возвращении в Россию (в июле 1830 г.), в Одессе, он узнал, что разнесся слух о его гибели, и записал впоследствии в мемуарах: «Батюшка обрадовался мне, как воскресшему»³⁰.

Ореол славы путешественника открыл перед ним двери великосветских и литературных салонов. Так, он был принят в доме министра финансов гр. Е. Ф. Канкрин (супруга министра, Е. З. Канкрин, урожденная Муравьева, приходилась ему дальней родственницей): «К ней <...> съезжались все власти, и она старалась познакомить меня с ними, гордясь тем, что ее родственник был в Иерусалиме. Тогда это была вещь необычайная, потому что никто еще из хорошей фамилии не странствовал во Святую землю»³¹.

---

²⁹ Это путешествие стало отправной точкой процесса конституирования русско-иерусалимских отношений. Подробно о нем см.: *Лисовой Н. Н.* Феномен А. Н. Муравьева и русско-иерусалимские отношения первой половины XIX в. // *Православный Палестинский сборник*. М., 2005. Вып. 103. С. 4—20.

³⁰ *Муравьев А. Н.* Мои воспоминания. С. 589.

³¹ Там же. С. 594. В Европе путешественник по Востоку тоже воспринимался как некий «культурный экзот». В романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» (1847—1848) встречаем характерное пародирование этого образа: «Распорядителем праздника был молодой Бедвин Сендс, в ту пору блестящий денди и путешественник по Востоку. В те дни путешественников по Востоку уважали, и отважный Бедвин, выпустивший *in quarto* описание своих странствий и проведший несколько месяцев в палатке в пустыне, был особой немаловажной» (*Теккерей У.* Ярмарка тщеславия / Пер. М. А. Дьяконова. М., 1960. Т. 2. С. 210).

Что касается осведомленности Пушкина о путешествии «известного юноши», то в его распоряжении был еще один канал — семейный. Имение Муравьевых Осташево находилось в недалеком соседстве с селом Ярополец, где, как известно, располагались усадьбы Гончаровых и Чернышевых. Муравьев был особенно дружен с И. Н. Гончаровым (впоследствии он посвятил ему одно из наиболее значительных своих сочинений — «Письма о Богослужении Восточной католической церкви»); а одна из сестер Чернышевых — Надежда Григорьевна некоторое время считалась его невестой. Еще в период сватовства к Н. Н. Гончаровой, в 1830 г., Пушкин вошел в круг этих семейных связей, в орбиту которых, как видим, попадал и Муравьев.

О предпринятом путешествии поэт мог узнать и из собственно литературного источника — стихотворения Муравьева «Прощальная песнь паломника»³², опубликованного в «Московском телеграфе» в 1830 г. со следующим примечанием издателя: «...юный поэт, когда смолкли громаы брани на полях Румелии, испросил себе позволение отправиться в Иерусалим, чтобы провести там Святую неделю. Он теперь уже в пути. Стихотворение, здесь предлагаемое, писано им перед самым отъездом»³³. Впоследствии оно было положено на музыку А. А. Алябьевым и стало довольно известным романсом.

Стихотворение ярко передает пафос поступка Муравьева — его решимость посетить Святую землю. Приведем начало:

Я принял крест, я посох взял,
Меня влечет обет священный;
Вы все, для коих я дышал
В отчизне дальней, незабвенной,

Ах! помолитесь за того,
Кто вспомнит вас в своих мольбах!

Наконец, необходимо учитывать еще одно обстоятельство. Как уже отмечалось, публика ожидала появления «Путешествия» с нетерпением. Отчасти оно подогревалось самим автором: Муравьев отнюдь не держал в тайне работу над книгой. О ней, несомненно, знали участники кружка И. И. Козлова, который он особенно часто посещал в 1832 г. В известном дневнике поэта имя Муравьева упоминается наряду с именами гр. А. Г. Лаваль, В. А. Жуковского, А. И. Тургенева, П. А. Вяземского, А. С. Даргомыжского, Н. В. Путяты и др.³⁴ Можно предположить, что

³² Варианты названия: «Богомолец», «Паломник».

³³ МТ. 1830. Ч. 31, № 3. С. 314—315.

³⁴ *Козлов И. И. Дневник / Публ. К. Я. Грота // СиН. СПб., 1906. Т. 11. С. 50—66.*

некое представление о готовящемся издании сложилось и в московском славянофильском кругу благодаря Н. М. Языкову, который встретился с Муравьевым в Москве сразу после возвращения последнего из путешествия. 16 августа 1830 г. он писал брату А. М. Языкову: «Третьего дня воротился я из путешествия в Новый Иерусалим, продолжавшегося с неделю, ездил туда с Погодиным, воспользовавшись возвращением из Палестины, Сирии, Египта и проч. Андрея Муравьева: он объяснил нам все, что нужно по части нашего Иерусалима сравнительно с истинным: он описал все, что видел, читал нам отрывки этого описания; отправляется в Питер окончательно обработать свое сочинение и издать в свет; все это чрезвычайно важно всякому христианину и чрезвычайно любопытно всякому любопытному»³⁵.

Совокупность всех приведенных фактов убеждает в том, что Пушкин, скорее всего, был хорошо осведомлен о путешествии Муравьева и воспринял его как поступок, заслуживающий уважения. Еще до появления книги он располагал сведениями, на основе которых могло быть написано стихотворение. Следует особо отметить, что в его сюжете, пересказанном Муравьевым, реалий, которые восходили бы непосредственно к «Путешествию», нет. Есть лишь впечатление от поступка, его эмоциональная оценка.

Остается последний, интригующий вопрос: было ли стихотворение действительно написано и впоследствии, как утверждает Муравьев, потерялось в «хаосе бумаг» поэта? Однозначного ответа на него нет. Однако с большой долей уверенности можно предположить, что это была мистификация со стороны Пушкина, знак вежливости, продиктованный сложной гаммой чувств: с одной стороны, еще была памятна история с резкой эпиграммой на Муравьева-поэта, с другой — он горячо сочувствовал Муравьеву-путешественнику.

Аналогичную «психологическую» трактовку встречаем у самого адресата мистификации. Рассуждая о восприятии «Путешествия», Муравьев писал: «Жуковский и Пушкин наиболее хвалили мою книгу: первый потому, что принимал во мне участие, последний же оттого, что чувствовал себя виноватым за эпиграмму, написанную против меня еще в 1826 году»³⁶.

Примечательно, что публикатор «Моих воспоминаний» А. А. Третьяков еще в 1895 г. выразил сомнение в правдоподобности рассказа о написанном и затем утраченном стихотворении³⁷.

³⁵ Языков Н. М. Письма к родным / Публ. А. А. Карпова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 163.

³⁶ Муравьев А. Н. Мои воспоминания. С. 599. (Правильно: в 1827 году.)

³⁷ Там же. С. 600.

Попытка идентификации «утраченного» текста однажды уже была предпринята. Анализируя источники стихотворения Пушкина «Из Гафиза» («Не пленяйся бранной славой...», 1829), Д. И. Белкин предположил, что они «восходят не только к подлинным строкам Хафиза, но и к отдельным творениям современников Пушкина». «По нашим наблюдениям, — замечает исследователь, — стихотворение “Из Гафиза” представляет собой также своеобразный ответ на воинственные вирши “В Персию!” Андрея Муравьева. <...> ...по словам Муравьева, поэт написал для него несколько стихов, которые “никак не мог найти в хаосе своих бумаг”. Не углубляясь в доказательства, укажем, что строфы “Из Гафиза” и были, вероятнее всего, теми стихами, которые адресовались А. Н. Муравьеву. <...> Содержание строк “Из Гафиза” переросло смысл индивидуального ответа. (Видимо, в этом одна из причин того, почему Пушкин так и “не мог найти в хаосе своих бумаг” стихов, написанных специально А. Н. Муравьеву)»³⁸. Здесь уместно будет, во-первых, напомнить пушкинский текст и, во-вторых, познакомить со стихотворением Муравьева.

Из Гафиза

(Лагерь при Евфрате)

Не пленяйся бранной славой,
 О красавец молодой!
 Не бросайся в бой кровавый
 С карабахскою толпой!
 Знаю, смерть тебя не встретит:
 Азраил, среди мечей,
 Красоту твою заметит —
 И пощада будет ей!
 Но боюсь: среди сражений
 Ты утратишь навсегда
 Скромность робкую движений,
 Прелесть неги и стыда!

(Акад. Т. 3. С. 163)

В Персию!

Я слышу клич призывный брани! —
 Ему внимает жадный слух.
 На битву рвется меч из длани,
 В груди пылает юный дух!

---

³⁸ Белкин Д. И. Пушкинские строки о Персии // Пушкин и мир Востока. М., 1999. С. 127—128.

Зарокотали смертью струны, —
Я узнаю их вещей глас!
Их громозвучные перуны,
Друзья, — на бой подвигнут вас!
На бой! на бой, на поле славы
Стремитесь бурною толпой!
Вас увенчает лавр кровавый,
Бессмертье — храм откроет свой!
Сожмите меч в руке могучий!
Отважно обнажите грудь!
На сонм врагов, как вихрь летучий,
Неситесь в незабвенный путь!
Туда, туда, где бурны волны
Аракса берега разят,
И где, ковчега страж безмолвный,
Стоит двуглавый Арарат!
Туда — где колыбель Вселенной!
Где мира первобытный Рай!
Мы там сорвем венец нетленный,
Велим молве — не умолкай!
О конь, кипящий духом брани,
Неси меня на бурный бой!
Как цвет да не увяну ранний,
Да не паду в стране чужой!
И ты руке нетерпеливой
Не измени, надежный меч!
Тебе вверяю я порывы
Души молодой: с тобою лечь!

Стихотворение «В Персию!» было написано в конце 1826 г.: автограф его содержится в письме Муравьева брату, Н. Н. Муравьеву-Карскому³⁹, участвовавшему в русско-персидской войне (1826—1827). Стихотворение ярко передает горячее стремление автора присоединиться к «персидскому походу» и в этом смысле автобиографично. Стремление это не осуществилось, но спустя два года Муравьев стал участником другой — русско-турецкой кампании (1828—1829), по окончании которой, как мы знаем, отправился в путешествие по Святым местам, а по возвращении на родину издал «Путешествие ко Святым местам в 1830 году». Д. И. Белкин совместил две эти похожие, но никак не совместимые биографические ситуации (1826—1827 и 1828—1829 гг.), а

³⁹ ОПИ ГИМ, ф. 254, № 351, л. 118 об. — 119 об. Стихотворение впервые опубликовано: Северная лира на 1827 год. М., 1827. С. 186—188. Вошло в поэтический сборник Муравьева «Таврида» (М., 1827. С. 133—134).

следовательно, и два принципиально различных воплощения, которые они получили в творчестве Муравьева.

Действительно, стихотворение «В Персию!» наряду с другими откликами на события этой войны образуют своего рода фон, на котором может быть рассмотрено пушкинское произведение. Однако скольконибудь убедительных оснований трактовать его как «своеобразный ответ» Муравьеву нет.

«Из Гафиза» было написано во время путешествия в Арзрум, в 1829 г. Сведений о личных или творческих контактах Пушкина и Муравьева после 1827 г., то есть после опубликования эпиграммы, в период с 1827 по 1831 г., нет. Следовательно, в этом стихотворении неизбежно должна была отразиться система отношений и оценок, которая сложилась в 1827 г. (Напомним, что суть претенциозной «шалости» Муравьева в салоне З. Волконской заключалась в том, что он сравнил себя с Аполлоном.) В этом контексте первые смыслообразующие строки стихотворения — будь они адресованы Муравьеву: «Не пленяйся бранной славой, / О красавец молодой!» — не могли бы быть прочитаны иначе, как саркастически. А значит, перевели бы весь строй стихотворения из органически присущего ему ориентального в памфлетно-ироническое семантическое поле.

Итак, гипотеза Д. И. Белкина должна быть решительно отвергнута. Исследователь предпринял поиски «затерявшегося» стихотворения в области, хорошо ему известной, составляющей предмет его научных интересов, но в данном случае не прояснил сути вопроса. «Не углубляясь в доказательства», он не обратил внимания на то, что Муравьев дважды в своих мемуарах пересказал со слов Пушкина сюжет этого стихотворения, который никак не связан ни с русско-персидской войной, ни с поэзией Востока.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ПУШКИН
И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 5 (44)

«Нестор-История»
2009